

шей гимназіи В. Г. Брезовара... Но сначала долженъ сказать слѣдующее.

О. Алексѣй очень любилъ пѣніе и музыку. Въ возможныхъ и доступныхъ ему предѣлахъ онъ старался слушать ее. Любилъ онъ хорошіе, а тѣмъ болѣе выдающіеся по своему музыкальному исполненію церковные хоры и, если приходилось слышать ихъ пѣніе, много разъ и спустя долгое время воспоминалъ объ этомъ. Если приходилось, то онъ съ удовольствіемъ и интересомъ слушалъ и свѣтскую музыку. И вотъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ В. Г. Брезоваръ на большой перемѣнѣ игралъ на фисъ-гармоніи (находившейся въ учительской комнатѣ гимназіи) разнообразные пьесы, многія—по указанію и просьбѣ моего отца, напримѣръ, національные гимны различныхъ государствъ земного шара. Приходя домой, послѣ выслушанія игры такого талантливаго солиста, какимъ является В. Г. Брезоваръ, мой родитель всегда бывалъ въ восторгѣ и не разъ повторялъ, что душа его преисполнена самыхъ лучшихъ эстетическихъ чувствъ и эмоцій. Варѣоломею же Григорьевичу онъ безконечно былъ признателенъ.

Отношенія моего отца къ духовенству были самыя наилучшія. Я не буду говорить о послѣднихъ десяткахъ лѣтъ его жизни, когда онъ, какъ маститый и заслуженный старецъ—протоіерей пользовался общимъ и глубокимъ уваженіемъ. Но и раньше онъ избѣгалъ всякаго рода ссоръ, недоразумѣній и непріятностей. Я хорошо помню, какъ онъ, будучи еще въ лѣтахъ непреклонныхъ, и самъ старшимъ и равнымъ себѣ всегда отдавалъ знаки уваженія и привѣта. Притомъ же покойный жилъ уединенно, если такъ можно выразиться, не водилъ компаніи съ какими либо лицами, поводовъ къ особой дружбѣ или враждѣ рѣшительно не было. Онъ, по возможности, старался присутствовать на духовныхъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ: на актахъ учебныхъ заведеній, въ собраніяхъ для чествованія какихъ либо знаменательныхъ событій, на открытіяхъ тѣхъ или иныхъ учрежденій, на тор-